

Сколько их было прочитано в далёкие школьные годы... Они освещали и просвещали наши детские души, звали нас в дальние страны, учили жизни, помогали переживать трудности. Дружба с этим удивительным чудом у меня началась с малых лет. Семья наша была читающей, и книг в доме всегда было предостаточно. Они покоились в красивом оранжевом шкафу, сделанном моим старшим братом Николаем. Шкаф важно размещался на видном месте в горнице нашей просторной избы. На полках шкафа, тесно прижавшись друг к другу, мирно уживались и русские, и зарубежные классики: Лев Толстой, И. С. Тургенев, Николай Лесков, Сервантес, Дюма, Жюль Верн, Виктор Гюго, — и, конечно, видные советские классики: Михаил Шолохов, Артём Весёлый, Владимир Маяковский и другие.

Книги откуда-то приносил мой много читающий отец Яков Фёдорович. Где он их брал, не знаю. Многогранная работа в должности председателя колхоза не мешала ему поглощать одну книгу за другой. После ужина отец, как обычно, усаживался за круглый стол и при тусклом свете керосиновой лампы (часто без стекла) начинал нам читать или про Робинзона Крузо, или про остров сокровищ, или про путешествия Колумба, а мы, сорванцы, — я, мои племянники Володька, Алька, брат Борис и сестра Галина, — затаив дыхание, слушали захватывающие истории и сами становились невольными участниками событий, описываемых в романах. Отец читал увлечённо, и мы видели, как сквозь стёкла очков блестяли его глаза. Он явно всегда был в ударе, когда читал, преображаясь то в одного, то в другого героя. Не только книголюбом, но и актёром он был отменным. Когда отцу было некогда, книги нам читала Галя. И мы, слушая, часто забывали о чувстве голода, которое никогда не покидало нас в детстве.

Часто приходил к нам в дом ещё один великий книголюб — Пётр Иванович Варыгин (наш дальний родственник).

Заходил он, чтобы взять у отца новую книгу. Помню, как он всегда говорил: «Прочитал — прекрасно! Шолохов бесподобен!»

Он так много читал, что уже не замечал, что говорит по-книжному витиевато. Однажды, жалуясь на свою дочь, фельдшерицу Фаину Петровну, любящую весёлые посиделки, он выдал нам такую тираду: «В данный момент, собственно говоря, и свиношка-то была подходящая, но покушать её не пришлось, так как Фаина Петровна её всю распотчевала. Уж лучше бы она жила, бедняжка...» Эта его речь запомнилась мне на всю жизнь.

Много в Рождественском было и других книгоцеев, но отец у них считался как бы старейшиной.

**Из семейного архива. С боевыми товарищами на память.
Западный фронт, 1914 год. Крайний справа стоит
Яков Фёдорович Варыгин, отец автора**

А сколько же хороших книг стояло на полках школьной библиотеки! Их любовно выдавала нам Валентина Капитоновна Иванова. «Читайте, ребяташки! — бывало, скажет она. — Много знать будете! Почитай-ка, Юра, Валентина Катаева, „Сын полка“. Во книга! Не оторвёшься. Потом проверю, читал или нет. Попробуй не прочитай!»

Ну как же не прочитать про сына полка, про Ваню Солнцева, усыновлённого бойцами Красной Армии! Несколько позже я даже сыграл его на сцене и получил приятное прозвище — «артист».

Много интересных книг нам прочитала нам наша классная руководительница Клавдия Маркеловна. Как сейчас помню её чуть хриловатый голос: «А сегодня, ребята, я прочитаю вам повесть про юную партизанку Гулю Королёву, а называется повесть „Четвёртая высота“». И мы тут же становились участниками грозных событий военных лет, вместе с Гулей взрывали фашистские склады, шли в атаку вместе с партизанами.

Книги, как и кинофильмы, благотворно действовали на наши души. Многие, наверное, читали в детстве замечательный рассказ Мамина-Сибиряка «Зимовье на Студёной». История о том, как старый дед прощался со своей любимой собачкой в зимнюю стужу, потрясла меня, а слова: «Музгарушко (так звали собачку), мне будет трудно без тебя», — заставили меня плакать горячими слезами. В порыве чувств, помню, я выскочил на улицу (дело было летом), увидел соседского Шарика, сладко дремлющего на завалинке, и ну его обнимать! Шарик явно не понравилось, что нарушили его сон, и он, не задумываясь, тянул меня за палец. Полилась кровь, фельдшерица Фаина Петровна перевязала его, но болел палец долго. Любовь к собакам у меня тут же закончилась. Позднее я понял, что и собак, и людей любить надо умеючи.

После прочтения рассказа «Воробьишка» того же Мамина-Сибиряка я перестал разорять птичьи гнёзда и не давал это делать другим.

Огромное впечатление произвёл на нас, сорванцов, роман Марка Твена «Приключения Тома Сойера и

Гекльберри Финна». Под влиянием этих героев-сорванцов мы, как и они, нашли в лесу подходящую пещеру (яму в земле вообще-то) и устроили в ней убежище. Даже ночевали часто в нём, снабдив себя огурцами, чёрствым хлебом и водой. Шли в пищу нам и саранки, и петушки, и ягоды. Неделями пропадали мы в лесу. Однажды взрослые так встревожились нашим отсутствием, что организовали поиски. Помог им найти наше убежище уже знакомый вам Шарик. Победным лаем он сообщил взрослым, что нашёл нас. Здорово нам тогда досталось. Поскольку зачинщиком был я, сестра Галя отстегала в сердцах меня верёвкой. Досталось от родителей и моим сподвижникам Лизке Гладышевой, Томке Поповой, Валере и Володьке Варыгиным — да всем, одним словом. Нас долго отмывали в бане. А книгочей Пётр Иванович тем не менее мудро изрёк: «Велика сила книги, она заставляет совершать поступки, хоть и не всегда приличные. А что в пещере побывали — так это здорово! Надо познавать трудности, готовить себя к взрослой жизни». И все с ним согласились.

Читали мы в детстве много. Племянник мой Володька аж зачитывался. Летом, бывало, уходил на пригон и до заката солнца поглощал одну книгу за другой. А книги-то все какие! «Остров сокровищ» Стивенсона и сразу за ней — «Собор Парижской Богоматери» Гюго, за ним — «Детство» Горького... Очень нам понравилась «Малахитовая шкатулка» Бажова, мы зачитывались сказками из «Тысячи и одной ночи». А когда мы стали взрослеть и влюбляться, наши души потребовали других книг. Я был без ума от «Повести о первой любви» И. С. Тургенева. С огромным удовольствием я познакомился с историей любви мадам Бовари Флобера и Анны Карениной Л. Н. Толстого. В одном из его романов я взял «на вооружение» записку, которую главный герой повествования посылает своей возлюбленной: «Видеть тебя мне мало, писать так и тянет». И я тоже решил посылать своим возлюбленным записки с этими словами. Как правило, чувствительные девчонки отзывались положительно на мои излияния, и встречи были обеспечены. Позднее я

узнал, что и сам Лев Николаевич посылал такие записки своим пассиям, которых у него было очень много. А чем мы хуже?

Чуть не забыл вспомнить Гоголя. Его «Тарас Бульба» и сегодня злободневен. Что происходит на Украине сейчас, происходило и в шестнадцатом столетии. Увы, в мире ничего не меняется...

А на память приходят всё новые и новые названия книг, прочитанных в детстве. Ну разве можно забыть «Маугли» Киплинга? Эту книжку в течение нескольких вечеров читал нам Илья Иванович Соколов, муж моей сестры Галины. По брони он оставался в Рождественском и точил на токарном станке детали для фронта. История мальчика, воспитанного волками, так поразила нас, что мне захотелось непременно инсценировать отдельные эпизоды и показать в своём театре в амбаре. Роль мальчика, потерянного в лесу, я поручил трёхлетнему племяннику Толику, а мы все — я, Володька, Алька, соседский мальчишка Радик — изображали волков. Особенно хорошо был по-волчьи Радик. А Римка Белоногова была хорошей волчицей. Толика я вынудил плакать, а мы, в накинутых на себя дерюгах, скуля, нежно облизывали его. Когда же неожиданно появился тигр Шерхан — Сашка Сергиенко — в вывернутой овечьей шкуре (другой не нашли) и злобно прорычал: «Где этот человеческий детёныш?!» — ребятишки, смотревшие наш спектакль, дружно заорали из зала: «Не скажем! Не скажем!» А мы с дружным воем уволакивали детёныша в лес, который состоял из молоденьких берёзок, прибитых гвоздями к полу. Представление своё мы повторили несколько раз, и прохожие всякий раз шарахались в сторону, когда из амбара вдруг раздавался душераздирающий волчий вой. Его подхватывали местные собаки, но больше всего старался наш знакомый Шарик: ему почему-то особенно не нравилось наше шумовое оформление спектакля. В конце концов нас заставили снять представление из репертуара. «Повыли, и хватит!» — сказал нам Илья Иванович.

Театр театром, но о книге мы никогда не забывали. О, сколько же было нами прочитано! Ванька Ширяев и Толька Елизарьев побивали все рекорды. Они даже на улице не часто появлялись — читали дома. Может ли нынешнее поколение похвастаться такой же страстью? Ну, если только к компьютерным играм...

Хотя и сегодня есть дети, которые читают книги, и не компьютерные, а, как нынче принято говорить, «на бумажном носителе». И это обнадеживает: значит, не всё ещё потеряно. Когда компьютер в доме станет привычной дорожки в прихожей (а так и будет когда-нибудь), настоящая книга вернёт свою истинную ценность. И снова, как сказал когда-то Некрасов, «Белинского и Гоголя с базара понесут». Дай-то Бог...

А закончу я ещё одной цитатой, на этот раз из Горького: «Всему хорошему я обязан книге».

Однажды я просто подойду к своим книжным полкам и возьму наугад свою книгу. Любимую — потому что нелюбимых у меня нет...